

Уголовный проступок как средство дифференциации уголовной ответственности и наказания

Э. А. БАБАЯНЦ – помощник председателя судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда

Не прекращаются дискуссии, вызванные инициативой Верховного Суда Российской Федерации о введении новой категории правонарушений – уголовных проступков, которые могут занять промежуточное звено между административным правонарушением и уголовным преступлением. В статье раскрывается понятие уголовного проступка, перечисляются его основные признаки, рассматривается целесообразность введения данной категории в отечественное уголовное законодательство. Также дан краткий анализ законодательства ряда зарубежных стран, оценивается возможность применения иностранного опыта в российских условиях.

Сформулирован вывод о том, что следует признать справедливыми аргументы, оспаривающие необходимость принятия законопроекта в том виде, в котором он был представлен на рассмотрение Верховным Судом Российской Федерации. Обращается внимание на то, что в тех странах, где категория уголовного проступка введена, потребовалось фундаментальное реформирование уголовного законодательства: тотальный пересмотр норм существующего уголовного законодательства или принятие отдельного Кодекса уголовных проступков (например, в Кыргызстане). Исходя из этого рассматриваемый законопроект представляется полумерой, которая приведет к усложнению имеющегося правового регулирования. Наиболее верным способом разрешения рассматриваемой проблемы будет сокращение в УК РФ числа составов преступлений небольшой тяжести.

Ключевые слова: наказание; уголовный проступок; категоризация преступлений; дифференциация; принцип справедливости.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Бабаянц Э. А. Уголовный проступок как средство дифференциации уголовной ответственности и наказания. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 2 (12), с. 62–67, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-62-67.

Criminal infraction as a mean of differentiating criminal responsibility and punishment

E. A. BABAYANTS – Assistant to the Chairman of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Moscow City Court

Discussions caused by the initiative of the Supreme Court of the Russian Federation on the introduction of a new category of offenses – criminal infraction which can occupy an intermediate link between an administrative offense and a criminal offense – do not stop. The article reveals the concept of a criminal infraction, lists its main features, considers the feasibility of introducing this category into domestic criminal legislation. A brief analysis of the legislation of a number of foreign countries is also given, the possibility of applying such experience in Russian conditions is assessed.

The conclusion is formulated that it is necessary to recognize as fair the arguments challenging the necessity of adopting the draft law in the form in which it was submitted for consideration by the Supreme Court of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that in those countries where the category of criminal offense was introduced, a fundamental reform of the criminal legislation was required: a total revision of the norms of the existing criminal legislation or the adoption of a separate Code of criminal infractions (for example, in Kyrgyzstan). Based on this the draft law under consideration appears to be a half-measure, which will lead to the complication of the existing legal regulation. The most correct way to resolve the problem under consideration would be to reduce the number of minor offenses in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words : punishment; criminal infraction; categorization of crimes; differentiation; the principle of justice.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Babayants E. A. Criminal infraction as a mean of differentiating criminal responsibility and punishment. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 2 (12), pp. 62–67, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-62-67.

В последние годы в отечественной уголовно-правовой науке набирает обороты дискуссия об интеграции в систему уголовного, уголовно-процессуального права нового института – уголовного проступка, понимаемого как противоправное деяние, за которое законом предусмотрено более мягкое наказание и на который, по всей вероятности, не будут распространяться последствия судимости.

Уголовный проступок принято рассматривать как нечто среднее между административным правонарушением и преступлением, он характеризуется низким уровнем общественной опасности, и, следовательно, его можно трактовать как деяние, заслуживающее не столько наказания, сколько меры общественного воздействия¹.

Необходимость введения такой категории, как уголовный проступок, можно объяснить тем, что в числе преступлений малой тяжести присутствуют и те деяния, которые обладают небольшой опасностью для общества, поэтому за их совершение не приговаривают к лишению свободы. Тем не менее они могут иметь правовые последствия наравне с более тяжелыми правонарушениями, если речь идет о давности уголовного преследования, условиях погашения судимости или назначения осужденному условно-досрочного освобождения. Таким образом, складывается ситуация, когда деяния, весьма различные по степени опасности, входят в категорию уголовных преступлений. Это не отвечает принципам справедливости и дифференциации уголовной ответственности и наказания.

Согласно статистике в последнее время все чаще за преступления небольшой тяжести суды назначают наказания, не связанные с лишением свободы². Существует мнение, что введение категории «уголовный проступок» позволит решить задачу дальнейшего развития тенденции к гуманизации уголовно-правовых норм, оптимизировать дифференциацию ответственности и наказания в уголовном праве³. Осуществление экономических преобразований, построение структур свободного рынка и развитие

капиталистического образа действий побуждают правовую систему масштабнее применять экономические санкции (например, исправительные работы с удержанием части дохода или штраф) в случаях, когда такое наказание отвечает характеру совершенного деяния. Вторичная выгода заключается в том, что государство получает возможность компенсировать часть бюджетных потребностей за счет таких наказаний.

Современные исследования содержат значительное количество разнообразных точек зрения по данному вопросу. Например, Н. Ф. Кузнецова отмечала: «Уголовным проступком признаются умышленные и неосторожные преступления, за совершение которых предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы до трех лет»⁴, при этом наказание отбывается в колонии-поселении, а срок погашения судимости – год. М. Р. Гета, например, определяет уголовный проступок как «предусмотренное федеральным законом, виновно совершенное вменяемым лицом, достигшим возраста допустимости применения средств уголовно-правового воздействия, деяние, не имеющее общественной опасности преступления и не связанное с причинением смерти, а равно тяжкого вреда здоровью человека»⁵. Так, Д. Ю. Корсун предлагает понимать уголовный проступок как «виновно совершенное деяние, способное причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой любого из предусмотренных наказаний, кроме лишения свободы. Уголовным проступком также признается действие (бездействие), формально содержащее признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, однако в силу меньшей степени общественной опасности таковым не являющееся»⁶.

Рассматривая подходы к определению понятия деяния, сложно отграничить проступок от преступления, имеющего подобную качества: первый обладает всеми признаками второго. В то же время становится очевидным их количественное различие:

проступок несет в себе минимальный уровень общественной опасности, при этом исправление виновного лица возможно с помощью наиболее мягких видов наказания. Эти обстоятельства являются причиной для выделения уголовного проступка в обособленный разряд уголовных деликтов, применения наиболее мягких видов наказаний, использования другого подхода к возникновению судимости и процессуальному регулированию.

Поэтому в рамках проводимого исследования предлагается иная дефиниция уголовного проступка: это деяние, обладающее всеми признаками преступления, но несущее незначительную общественную опасность и не предусматривающее лишение свободы в качестве наказания.

Верховный Суд Российской Федерации предлагает ввести дефиницию уголовного проступка через редакцию ч. 2 ст. 15 УК РФ, тем самым разделив преступления небольшой тяжести на две подкатегории⁷. В качестве наказаний предлагается дополнить блок иных мер уголовно-правового характера, предусмотрев перечень санкций для этой категории деяний. Не совсем ясны основная идея такой реформы и перспектива развития новых норм: является ли предлагаемая инициатива первой ступенью выделения малозначительных деяний в особый кодекс уголовных проступков или же Верховный Суд Российской Федерации решил ограничиться поверхностными мерами, введя только подкатеорию, точнее выделив ее из ряда преступлений небольшой тяжести.

С. А. Маркунцов справедливо отмечает, что «введение института уголовного проступка предполагает фундаментальное реформирование действующей системы права»⁸.

Ряд ученых выступили с критикой отдельных положений инициативы Верховного Суда Российской Федерации. Так, Е. Ю. Антонова, Н. В. Вишнякова указывают на нелогичность включения в категорию проступков преступлений небольшой и даже средней тяжести. Такое вычленение, по мнению авторов, сводит на нет сам смысл введения понятия «уголовный проступок» в законодательство⁹.

По мнению М. А. Кауфмана¹⁰, нецелесообразность введения отдельной категории «уголовный проступок» в нынешнее уголовное законодательство обусловлена тем, что, во-первых, в настоящий момент уже существует достаточно эффективное выделение категорий уголовных преступлений, в то же

время есть автономные административные правонарушения. Такая система уже самодостаточна. Во-вторых, в рассматриваемом законопроекте довольно нелогично предусмотрено освобождение от уголовной ответственности для совершивших данный проступок. Следуя логике, само совершение деяния нельзя рассматривать в качестве основания для освобождения от ответственности. В-третьих, законопроект декларирует гуманизацию уголовного закона, однако в качестве мер уголовно-правового воздействия в нем предусмотрены уголовные наказания – штраф, обязательные либо исправительные работы, то есть в части санкций фактически мало что меняется. На наш взгляд, приведенные выше доводы достаточно убедительны.

Д. В. Голенко считает, что введение рассматриваемой категории приведет к некоторой путанице в понятиях, их подмене. Совмещение в одной системе положений о малозначительности деяний, административных правонарушений, которые близки к преступлениям, преступлений с административной преюдицией и вновь введенного уголовного проступка создаст целый лабиринт в законодательстве, затрудняющий правоприменительную деятельность¹¹.

В то же время некоторые положения законопроекта встречены положительно. Так, А. Г. Блинов отмечает целесообразность расширения существующего перечня иных мер уголовно-правового характера и возможности их применения за совершение уголовного проступка. При этом статус лица, допустившего уголовный проступок, будет существенно отличаться от правового положения преступника, так как подобная квалификация деяния исключит судимость и все вытекающие из ее сущности социальные и уголовно-правовые последствия¹².

Среди основных признаков уголовного проступка необходимо назвать следующие. Во-первых, уголовный проступок характеризуется невысокой степенью общественной опасности. При этом существует масса деяний, для которых законодательно установлен лишь характер общественной опасности, при этом ее степень определяется судом для установления объема уголовной ответственности. Во-вторых, для уголовного проступка будет характерна возможность установления судебными органами малозначительности деяния, что выводит его из разряда преступлений. В-третьих, из первых двух признаков вытекает закономерное положение о том, что к уголовному проступку

ку может быть отнесено только деяние, за которое не предусмотрено осуждение к лишению свободы.

В законопроекте Пленума Верховного Суда Российской Федерации указывается, что деяния признаются уголовным проступком при условии, что они совершены лицом впервые, то есть если на момент совершения лицо не имело неснятой или непогашенной судимости и не освобождалось от уголовной ответственности за уголовный проступок в течение одного года, предшествовавшего дню совершения этого преступления. Отсюда и четвертый признак уголовного проступка – впервые совершенное деяние.

Необходимо обратить внимание на некоторые частные недостатки, обнаруженные в законопроекте Пленума Верховного Суда. Так, И. О. Ткачев справедливо указывает на то, что в предлагаемой редакции ч. 2 ст. 76.2 УК РФ необходимо предусмотреть возмещение виновным ущерба, причиненного в результате совершения преступления. Под возмещением ущерба понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация. Однако в законопроекте говорится только о возмещении ущерба, а не обо всех возможных способах восстановления нарушенных прав потерпевшего от преступления, в то время как действующая редакция норм об освобождении от уголовной ответственности (ст. 75, 76.2 УК РФ) указывает на возможность их применения, если лицо «возместило ущерб или иным образом заглавило вред»¹³. Таким образом, возмещение ущерба выступает в качестве лишь одного из способов заглаживания вреда. Было бы более правильным устранить это упущение в законопроекте.

Институт уголовного проступка применяется в законодательстве зарубежных стран: ФРГ, Испании, Нидерландов, Норвегии, а также стран ближнего зарубежья – Эстонии, Казахстана, Латвии и др.

Рассматривая законодательные определения уголовного проступка, сформулированные зарубежными законодателями, можно отметить, что они соответствуют практически всем указанным выше признакам. Но есть и отличия. Так, в Эстонии, Литве и Казахстане в число уголовных проступков включаются деяния, за которые предусмотрено наказание в виде ареста, хотя его можно трактовать как лишение свободы. В Латвии уголовным проступком считается деяние, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более двух лет.

Рассматривая предлагаемый Верховным Судом Российской Федерации проект изменения законодательства, необходимо отметить, что в нем не использованы возможности соблюдения принципа процессуальной экономии, которые могли бы открыться с введением уголовного проступка в систему уголовного права Российской Федерации. Если в качестве примера рассматривать систему правосудия ФРГ, где уголовный проступок давно является самостоятельной категорией правонарушения, то можно отметить следующее. Предусмотрен ускоренный судебный процесс без производства предварительного слушания. Прокурор вправе непосредственно в судебном разбирательстве устно сформулировать перед судом обвинение, которое фиксируется в протоколе судебного заседания. Такое производство возможно лишь при следующих условиях: дело подсудно судье единолично или суду с участием заседателей; наказание не превышает одного года лишения свободы; случай является достаточно простым, и лицо может быть осуждено сразу же без дополнительного исследования доказательств.

Еще одним видом сокращенного производства является процесс издания приказа о наказании. В этом случае не проводится судебного разбирательства, а вместо приговора судья по ходатайству прокурора издает приказ о наказании только на основании материалов дела.

Таким образом, не следует пренебрегать возможностью перенесения такого опыта в российское уголовно-процессуальное законодательство, что могло бы привести к существенной экономии процессуальных усилий судебной системы.

Другим примером можно считать назначение специальных видов наказания исходя из характера совершенного проступка. Так, в Эстонии за некоторые виды проступков виновный утрачивает право допуска к государственной тайне и секретной информации, теряет право на обработку таких сведений (такая санкция назначается судом или другим учреждением, выполняющим внесудебное производство по делу, в случае совершения проступка, связанного с нарушением закона о государственной тайне и засекреченной внешней информации, в качестве дополнительного наказания сроком до одного года), в случае совершения недопустимых действий по отношению к животному применяется запрет на содержание животных сроком до трех лет (судом

либо иным учреждением, осуществляющим внесудебное производство по делу).

Подводя итог, следует признать справедливыми аргументы, оспаривающие необходимость принятия законопроекта в том виде, в котором он был представлен на рассмотрение Верховным Судом Российской Федерации. Следует помнить, что в тех странах, где категория уголовного проступка уже была введена, потребовалось фундаментальное реформирование уголовного законодательства, что выразилось в тотальном пересмотре существующих норм уго-

ловного кодекса или принятии отдельного Кодекса уголовных проступков (например, в Кыргызстане). Поэтому рассматриваемый законопроект на сегодняшний день носит недостаточно реалистичный характер и может вызвать только усложнение имеющегося правового регулирования. Мы присоединяемся к тем авторам, которые выступают за сокращение в УК РФ числа составов небольшой тяжести, чтобы сделать его, по выражению А. И. Коробеева, «маленьким, но жестким»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Якушкин С. А. Уголовный проступок в уголовном праве РФ // Бюл. науки и практики. 2019. Т. 5, № 8. С. 140–143.

² См.: Корсун Д. Ю. Сравнительный анализ законопроекта Верховного Суда РФ о декриминализации ряда преступлений небольшой тяжести и вступивших в силу изменений в УК РФ: от идеи к реализации // Современ. наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Экономика и право». 2016. № 11. С. 135–140.

³ См.: Фисун А. В. О некоторых проблемах введения категории «уголовный проступок» в Уголовный кодекс Российской Федерации // Theoretical & Applied Science. 2018. № 5. С. 40–43.

⁴ Кузнецова Н. Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Гос-во и право. 2010. № 6. С. 67–75.

⁵ См.: Гета М. Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России. М., 2017. С. 27.

⁶ Корсун Д. Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России // Юрид. наука. 2017. № 1. С. 77.

⁷ См.: О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 13.10.2020 № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Маркунцов С. А. Еще раз к вопросу об уголовном проступке // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 358–364.

⁹ См.: Антонова Е. Ю. К вопросу об уголовном проступке // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021.

¹⁰ См.: Кауфман М. А. Уголовный проступок: процесс идентификации продолжается // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф.

¹¹ См.: Голенко Д. В. К вопросу об уголовном проступке // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф.

¹² См.: Антонова Е. Ю. К вопросу об уголовном проступке // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф.

¹³ См.: Ткачев И. О. Новый законопроект об уголовном проступке нуждается в доработке // Уголовное право. 2021. № 3. С. 50–55.

¹⁴ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в Уголовном Кодексе Российской Федерации 1996 года // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 53–56.

¹ Sm.: Yakushkin S. A. Ugolovny'j prostupok v ugovolnom prave RF // Byul. nauki i praktiki. 2019. T. 5, №8. S. 140–143.

² Sm.: Korsun D. Yu. Sravnitel'ny'j analiz zakonoproekta Verxovnogo Suda RF o dekriminalizacii ryada prestuplenij nebol'shoj tyazhesti i vstupivshix v silu izmenenij v UK RF: ot idei k realizacii // Sovremen. nauka: aktual'ny'e problemy' teorii i praktiki. Ser. «E'konomika i pravo». 2016. № 11. S. 135–140.

³ Sm.: Fisun A. V. O nekotory'x problemax vvedeniya kategorii «ugolovny'j prostupok» v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii // Theoretical & Applied Science. 2018. № 5. S. 40–43.

⁴ Kuznecova N. F. Znachenie obshhestvennoj opasnosti deyanij dlya ix kriminalizacii i de-kriminalizacii // Gos-vo i pravo. 2010. № 6. С. 67–75.

⁵ Sm.: Geta M. R. Ugolovnoe pravo: predely', ob'ekty' i sredstva vozdejstviya v bor'be s prestupnost'yu v sovremennoj Rossii. M., 2017. S. 27.

⁶ Korsun D. Yu. Ponyatie ugovolnogo prostupka kak novoj kategorii ugovolnogo prava Rossii // Yurid. nauka. 2017. № 1. S. 77.

⁷ Sm.: O vnesenii v Gosudarstvennyu Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii proekta Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem ponyatiya ugovolnogo prostupka»: postanovlenie Plenuma Verxov. Suda Ros. Federacii ot 13.10.2020 № 24. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy' «Konsul'tantPlyus».

⁸ Markunczov S. A. Eshhe raz k voprosu ob ugovolnom prostupke // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy' XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2019. S. 358–364.

⁹ Sm.: Antonova E. Yu. K voprosu ob ugovolnom prostupke // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. : materialy' XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2021.

¹⁰ Sm.: Kaufman M. A. Ugolovny'j prostupok: process identifikacii prodolzhaetsya // Ugo-lovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy' XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. .

¹¹ См.: Golenko D. V. K voprosu ob ugovnom prostupke // Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy` XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.

¹² См.: Antonova E. Yu. K voprosu ob ugovnom prostupke // Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy` XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.

¹³ См.: Tkachev I. O. Novy`j zakonoproekt ob ugovnom prostupke nuzhdaetsya v dorabotke // Ugovnoe pravo. 2021. № 3. S. 50–55.

¹⁴ Korobeev A. I. Ugolovno-pravovaya politika: problema obosnovannosti zapretov v Ugolvnom Kodekse Rossijskoj Federacii 1996 goda // Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy` II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2005. S. 53–56.

